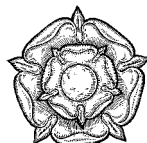
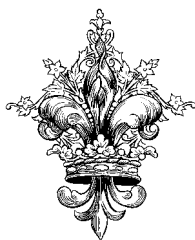
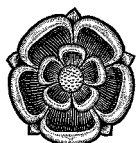

— ТАЙНЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ —

Т.Н.Грановский

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕКЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Москва 2020

УДК 94(4)"04/14"

ББК 63.3(4)4

Г77

Все права защищены.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Грановский, Тимофей Николаевич.

Г77 История Средневековья. Лекции. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 336 с. — (Тайны мировой истории).

ISBN 978-5-17-119165-8

«Лекции по истории Средневековья» — это увлекательный курс, изложенный профессионалом, профессором МГУ, Т. Н. Грановским (1813—1855). Большая часть лекций посвящена истории позднего Средневековья, в курсе этот период назван Новой историей. Открывает лекционный цикл лекция о значении истории, смысле ее изучения современным человеком. В вводной лекции ярче всего отражены взгляды историка на предмет и перспективы, которые открывает погружение в канву исторического материала.

УДК 94(4)"04/14"

ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-17-119165-8

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Вводные лекции

Древняя история¹

Приступая к слушанию чтений о всяком предмете, вы, естественно, предлагаете сами себе вопрос: какая польза от этого предмета? В других науках нетрудно найти разрешение этого вопроса; так, практическая польза изучения языков, права, естественных наук в их приложении очевидна. Не так легко отвечать историку на этот вопрос: история наука ни чисто практическая, как математика, ни чисто отвлеченная, как философия. Однажды навсегда должно оставить звучные определения истории, ничего не доказывающие и бывшие в ходу еще несколько десятков лет тому назад, как, например: «История есть зеркало бытия и деятельности народов; скрижаль откровений и правил» и т. д. (Камзин).

Занимаясь историей народов древнего Востока, вы легко поймете, почему на Востоке не могла созреть мысль о всеобщей истории; она могла развиваться только при высшем сознании личности всего человечества.

Доселе пребывает Восток в неподвижности. Взгляните на древние произведения индийской поэзии, которые вместе и история, в ней не найдете вы определенности фактов, хронологического порядка и резкого изображения исторического хода событий — нет в ней ни света, ни теней. Другой восточный народ, имеющий богатую историческую литературу, — китайцы, но и она не возвысилась над историей национальной. И как мог народ, смотревший на себя как на центр вселенной и отчуждавший себя от других народов, достигнуть значения истории всеобщей.

Но есть между этими двумя народами Востока, несмотря на противоположность их духа, одна общая характеристическая черта — это расточительность, с которой они употребляют столетия; китайцы возводят свою историю до нескольких десятков тысячелетий, индийцы даже до нескольких сотен тысячелетий. В этом таится глубокий смысл, доказывающий, что народы Востока не привыкли ценить главное благо — время, они не дорожат им. В истории европейской, напротив, события теснятся; начиная с древних историков-художников, отличающихся искусством изложения и рассказа, до средневековых монахов, тщательно, но сухо записывающих слухи, доходящие до их монастыря, везде, говорю я, у всех европейских бытописателей видно старание со всевозможной точностью определить время.

¹ Выдержки из записи П. Самарин. Тетрадь 1-я.

Только на рубеже истории Востока является исторический памятник, в исследование которого надобно углубиться, — это св. Библия. Ветхозаветные книги, особенно последние, не говоря об их святом характере, представляют важность памятника исторического. Но настоящая классическая почва истории — Европа. История есть растение, растущее не на всякой почве и не при всяких условиях. Даже греческая историография, несмотря на всю ее художественность и изящность в рассказе, не сходит со степени истории национальной.

Чтобы показать, до какой степени греки были далеки от понимания всеобщей истории, достаточно указать на прекрасное произведение греческой философии — о политике, в котором Аристотель глубоко исследует все формы правления ему современных народов; в начале этого рассуждения он делит все народы на две части и говорит, что одним суждено повелевать, другим — повиноваться. Первые — это греки, другие — все варвары.

То же можно сказать и о римских историках; для них история имела смысл *magistra vitae*¹, по выражению Цицерона, к ней обращались за уроками для царей и граждан. История не могла сделать большого успеха при столь близоруких понятиях о ней. Чем высшее значение получила история, тем она стала одностороннее.

Ученые XVIII века, справедливо прозванного великодушным и легкомысленным, с гордостью взглянули на расстояние, отделяющее их от Средних веков; они увидали, что стоят на высшей степени образованности, чем их предшественники, а между тем в истории и помина нет о прогрессе. А где же искать объяснение всякого современного совершенства и недостатка, как не в историческом развитии? Между тем были другие побудительные причины, заставившие ученых искать в истории чего-то более, чем внешних готовых факторов, именно: вследствие географических открытий пришли в знакомство с дикарями Америки и Африки, не должна ли была одна противоположность между дикарем и европейцем XVIII столетия повести на мысль о прогрессе?

История, как мы говорили, всегда была под влиянием сознательной или бессознательной опеки философии, даже сухие историки, протестовавшие против этого ига, несознательно придерживались какой-нибудь философии. Но если прислушаться ко всем этим жалобам на науку рациональную, то легко увидеть, что они относятся не к философии вообще, а всегда к философии новой; историк, держась еще учения отживающего, естественно, восставал

¹ Учительница жизни (лат.).

против нового учения, несообразного с его родом мыслей. Философия XVIII века была материальная, и потому ее влияние на историю имело вредное последствие.

В наше время нельзя уже ошибаться в значении этой исторической науки; нельзя удовлетворяться определениями, существовавшими назад тому 50 лет. Карамзин не сказал бы уже теперь, что история есть зеркало прошедшего. Что же такое всеобщая история в отличие от всемирной? Итак, всеобщая история должна проследить прогресс рода человеческого.¹ Но еще и до сих многие считают прогресс рода человеческого вымыслом истории, многие видят в этом пустое мечтание о достоинстве человека. В доказательство прогресса рода человеческого стоит указать на массу истин, приобретенных родом человеческим в его развитии в продолжение стольких тысячелетий; стоит указать, как человек в каждом веке побеждает и разрушает какой-нибудь предрассудок. Поэтому история,² с одной стороны, есть наука философская, с другой — чисто практическая. В наше время изучать историю с целью практической не всегда можно, нужны особенные условия общества и самого частного лица. Конечно, в наше время ни один юноша не научится быть полководцем, изучая историю, как это полагали древние; конечно, ни один государственный деятель не станет справляться с историей в затруднительных случаях; но история имеет для нас другое практическое значение. Она помогает угадывать под оболочкой современных событий аналогии с прошедшим и постигать смысл современных явлений — только через историю мы можем понять свое место в человечестве;³ она удерживает нас от отчаяния, она влагает в нас веру в силу человека, показывая, что совершило человечество на Земле, и позволяет ценить достоинство человека.

¹ Дополнено: заступник понятного движения говорит, что человек не сделался счастливее, столь же подвластен страстям.

² Дополнено: получает характер науки не только опытной, но и политической. Здесь она становится на ту же высоту, как и философия.

³ Т. Н. Грановский подчеркивал сложные взаимосвязи истории и современности. В работе «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году»: «История по самому содержанию своему должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественно объяснения собственной. Каждое поколение приступает к истории со своими вопросами; в разнообразии исторических школ и направлений высказываются задушевные мысли и заботы века».

ЛЕКЦИИ 1848 / 1849 г.

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

Лекция 1, четверг, 10 сентября¹

Более, нежели когда-нибудь, история имеет право на внимание в настоящее время. Ввиду великих вопросов, решаемых западными обществами, человеку с мыслящим умом и благородным сердцем нельзя не принимать участия в судьбе человечества, нельзя

¹ Во введении к курсу истории Средних веков Грановский освещал задачи исторической науки, определял предмет исследования, говорил о понятии «всеобщая история» в контексте различных исторических этапов и т.д. Во введении начала 1850-х годов сказано: «Всеобщая история объясняет законы, по которым совершается земная жизнь человечества, указывает на законы и цели поступательного движения. Уже этого одного достаточно, чтобы ответить на вопрос, раздававшийся во все времена даже из уст великих мыслителей, — какая польза истории?.. Есть, конечно, науки, как, например, языки, технические науки и др., пользы которых доказывать и не нужно, но здесь дело идет не об одном только практическом приложении истории. У греков и римлян она имела практическое приложение в общественной, законодательной деятельности; то же самое можно сказать в настоящее время и об Англии. Вообще знание истории необходимо для каждого государственного человека, но не все ведь созданы быть государственными людьми, следовательно, для таких людей история остается без приложения, а следовательно, и без пользы? Можно доказать несостоятельность этого мнения. Кроме того удовлетворения, которое история доставляет высшим потребностям нашей природы, она представляет еще другого рода утешение тому, кто будет изучать ее без задних мыслей, не подставляя отдельные факты под свои частные цели. На целые народы и на отдельные лица находят иногда минуты уныния, когда мир остается безотрадным, земная жизнь является, по-видимому, без цели и нравственность падает; тогда советницею и утешительницею является история: из нее видно, что человек часто бывал в таком положении, но что всегда выходил из него победителем, что зло никогда не преобладает и что добро никогда совершенно не уничтожается. Исторические лица, на которые указывают скептики в опровержение этой мысли, служат блистательнейшим ее доказательством, именно — это люди, павшие за свои идеи. Правда, они гибнут, но имя их остается: они же получили свою награду в деятельности совершения подвига согласно с их убеждением. Чем более углубляешься в историю, тем более укрепляешься в жизни. История уничтожает в нас эти недоверчивые, скептические мнения, которые лишают нас энергии и нравственных сил. Каждому ученому прилично выше всего ставить свою науку, но особенно должен любить свою науку историк, науку, которая похожа на океан, в который сливаются все другие науки как источники и дают ей вспомогательные средства».

не оглянуться назад и не поискать ключа к открытию причин тех загадочных явлений, на которые мы смотрели и смотрим с удивлением. Этот ключ найти нетрудно. Этот ключ — история прошедшего времени: деятель на поприще истории — человек, один и тот же, со всеми своими достоинствами и недостатками, и история — живое, связанное, органическое целое: мы не поймем настоящего, если не будем знать прошедшего, а события последних 60 лет Европы более объясняют всю древнюю историю, чем другие какие-либо исследования. Мы уже однажды основательно заметили, что к истории надобно приступать с большею простотой мысли и чувства. Надобно отказаться от всякого наперед составленного построения истории — она наука сложная и вместе простая: сложная потому, что в состав свой принимает все другие науки, ибо она требует многостороннего обозрения, и простая потому, что требует простого взгляда, отсутствия всех предрассудков, предубеждений, ложных толкований, парадоксов и всяких чисто самолюбивых толков. Известно, что в великом движении, которое обнаружилось в сфере истории в наше столетие, часто повторялось следующее выражение, девиз, так сказать, который был причиною искаженного понимания истории: «Нужно смотреть на каждое время с его точки зрения, устранив современные взгляды и предубеждения и перенесясь в положение данной эпохи». Мысль, сама по себе глубоко верная и справедливая, в приложении подверглась значительному искажению, особенно, может быть, в Германии, ибо не все ее верно поняли.

Стараясь оторваться от настоящего, большая часть историков смотрит на прошедшее как на нечто, отдельно существовавшее, на нечто, отрезанное, так сказать, от настоящего времени, смотрит на человека древнего и средневекового как на определившегося известным политическим положением, известным складом идей и т. д., так что в формах определений заслоняется самая сущность, т. е. сам человек, и, таким образом, выпускаются из виду исторические деятели, люди, которых действия постоянно изменяются вследствие перемены идей, но которые всегда остаются людьми с теми же страстями и с постоянным стремлением к одной великой цели; так что при одной и той же цели различны только пути, более или менее в ту и другую эпоху сознательные, так что весь прогресс истории заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель бытия его яснее и определеннее. Только сказав это, можем мы достигнуть истинного понимания истории. Зная, к чему идет человечество, постоянно мы с небольшим усилием можем видеть, почему в данный момент еще невозможно было достигнуть цели,

каких условий не доставало к тому; увидев человечество в различные эпохи жизни его, мы не упадем духом, ибо увидим его после многочисленных мужественных опытов не достигшим цели, но и не падшим.

Нет сомнения, что последние 60 лет европейской истории более поясняют древнюю историю, нежели все исследования филологов, устранившихся от влияния современной жизни, и каждый момент современности, понятый человеком с историческим смыслом, имеет влияние на понимание древней жизни человечества, ибо история есть нечто живое, связанное, органическое. Доказательство недалеко — мысль нашу вполне оправдывает настоящая эпоха. Здесь нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге, т. е. Европы, наблюдателями движения, и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю. Это, впрочем, не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать.

Западный человек брошен в различные партии и потому не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдания своей мысли, и на настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение. Не нужно вдаваться в дальнейшее объяснение этой мысли, ибо весь курс будет оправданием идеи, теперь высказанной.

Предметом настоящего курса будет история Средних веков. Она начинается по обыкновенному построению падением Западной Римской империи и оканчивается или открытием Америки, или Реформацией.

Но разделять таким образом историю, значит резать ее поживому; одним годом нельзя отделить Древнего мира от среднего; переходы от одной жизни к другой совершаются постепенно и медленно и составляют отдельные поучительные эпохи истории. Таков переходный период от древней истории к средней, период разложения древних форм и образования средневековых; такой же мы можем заметить при переходе от средневековой жизни к новой: еще с XIII века заметно начинается постепенное разложение средневековых форм, появление новых идей, требование нового порядка и продолжается до XVI столетия.

Резкое разграничение древней, средней и новой истории существует с недавних пор, именно с начала XVIII столетия, когда историю делили еще на периоды, высказывая к тому довольно наивную причину, что читателю на известной эпохе должно остановиться как бы для отдыха и спокойно обозреть все пройденное. Впрочем, основание деления истории справедливо, хотя и здесь нельзя не сделать нескольких упреков.

Древний мир сам по себе представляет полный завершившийся период развития рода человеческого с дряхлыми неподвижными общинами Востока, коих поучительные развалины до сих пор призывают к созерцанию первобытных форм общества; Греция и Рим представляют картину и юного, и зрелого, и состарившегося человечества.

Так называемый мир классический, греко-римский, имел определенное число идей, лежавших в основе всей его жизни; мы присутствуем при зарождении этих идей, видим изящное осуществление их в известных формах и, наконец, поучаем над разложением этих форм; мы можем проследить жизнь этих начал от первого их зарождения и до последнего конца, т. е. до конца V ст. по Р. Х., когда эти начала стали изнашиваться, так сказать, человечеством. Но гораздо труднее отделить среднюю историю от новой и еще доселе можно принять в истории два отдела: мир языческий и мир христианский. Конец XV века и начало XVI лягут рубежом между средневековым порядком и новым, но не таким резким, как V век; здесь осталось то же христианство, многие начала остались те же, только в новой форме, под новыми оболочками. Устранив Россию от западной истории до XVIII века, когда она связывается с Европой Петром Великим, мы можем сказать, что средневековая Европа есть Европа феодально-католическая, а последние три столетия — переходные от этого порядка к другому, которого мы еще не знаем, от средней истории к новой, еще нам не известной. Следовательно, эти три столетия, протекавшие со времени окончания средней истории, аналогически сходны с теми, которые оканчивают Древний мир; другими словами: здесь разложение западного общества, там падение республики, падение империи и явление новой формы, нам уже известной.

Окончим введение наше исчислением учебников и руководств. Кроме Кайданова,¹ о котором нечего и говорить, есть история Смарагова² — дурная переработка или переделка книги Лео.

¹ Речь идет об учебнике И. Кайданова «Учебная книга всеобщей истории... История средних веков» (СПб., 1839) и другие издания.

² См.: «Руководство к познанию средней истории» С. Смаградова (СПб., 1841). Как писал Грановский в рецензии, опубликованной еще

Г. Смарагдов ее испортил, потому что многого не понял; крайнее понимание Смарагдова видно даже и из того, что он часто не умеет отличить источника от учебного пособия. Несравненно выше стоит история Лоренца,¹ единственная на русском языке, кроме незначительных переводных. Лоренцу можно сделать один важный упрек: он остался при той же точке зрения, которою руководствовались историки 20 лет тому назад, при всей своей видимой учености. В древней истории он понял связь между наукой и жизнью, между литературой и обществом и представил удовлетворительный обзор греческой и римской литератур. Средние века имеют свою литературу и науку, которые обнаружили огромное влияние на развитие средневековой общественности, но на нее Лоренц употребил только несколько страниц, разобрав прекрасно политическую историю, т. е. он анатомически разложил жизнь и забыл ее духовную часть.

Галлам, переведенный с английского на немецкий и французский языки.

Эта книга пользуется большим уважением, хотя, собственно, это уважение должно быть отнесено к другим трудам автора. В ней есть только один хороший отдел, именно по английской истории — и то история английской конституции, юридической Англии; что же касается до изложения истории других народов, то она ниже посредственности.

Лео заслуживает особенного внимания. Одна книга, изданная им в 1830 г. под названием *Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters*, два тома; он перестал делить историю на внешние периоды, он сгруппировал события около известных направлений. Потом, в 1836 г., вышли два тома его всеобщей истории, заключающие историю Средних веков; здесь много глубоких и остроумных замечаний; относительно внутреннего характера должно указать на некоторые странности: он поклоняется средневековым формам, в которых видит идеал человеческих обществ, а на великие религиозные явления Среднего века смотрит он слишком с ограниченной точки зрения. Кроме того, Лео всегда указывает на литературу предмета, на самые превосходные сочинения, и с той стороны книга его заслуживает преимущественного внимания. Вообще же как учебник она не может быть употреблена.

Книга Кортюма, гейдельбергского профессора, написана с пристрастной точки зрения; в ней недостаточно оценено уча-

в 1841 г., в основу своего учебника Смарагдов положил сочинение Лео «*Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters*» (Halle, 1830).

¹ Лоренц Ф. Руководство к всеобщей истории. СПб., 1845, ч. I.

стие латино-германского племени в образовании средневековых форм. Впрочем, написана дельно, умно и читается с удовольствием.

Из сочинений в большом объеме должно обратить внимание на книгу Шлоссера, патриарха европейских историков, мужа-историка, не имеющего себе подобного в Европе. Около 30 лет тому назад начал он печатать свою всеобщую историю. Первый том заключает древнюю историю, слабо написанную, но свидетельствующую о великой учености автора; остальные 6 (7)¹ томов содержат историю Средних веков до начала XIII столетия; об этом сочинении можно сказать вместе с Лео, что это средневековая хрестоматия; она вся состоит из выписок летописей, потому-то Шлоссер всегда почти говорит словами источников; это не органическое понимание истории, но по ней видно, что автор сам учился, но как ученый. Впрочем, и его должно упрекнуть: а) в недостаточном рассмотрении развития политических форм; б) в том, что он выпустил из виду историю литературы и историю образования, хотя сам указал прекрасный образец этого в своей древней истории и истории XVIII века, и оправдывается в этом только тем, что приводит выписки. Отчасти недостатки этой книги объясняют недостатки книги Лоренца. Теперь он [Шлоссер] издает «*Weltgeschichte für das deutsche Volk*» — это популярная обработка ученых его сочинений, в которых сам Шлоссер указал на некоторые недостатки и которые дополнил указанием на литературные памятники редних веков, и в этом отношении это популярное сочинение выше его других сочинений. Заметим вообще, что Шлоссер отличается прямоотой нравственного чувства. Лоренц — его ученик и много пользовался трудами Шлоссера, так что сочинения Лоренца можно назвать извлечениями из Шлоссера.

Рем. *Handbuch der Geschichte des Mittelalters*, восемь томов, сухо написанных, не для чтения, но зато он хорошо уяснил хронологию Средних веков, чрезвычайно трудную, потому что каждый народ в то время имел свою хронологию, свои эры, календари и прочее. Кроме того, драгоценны его генеалогические таблицы, превосходно и точно отделана история мелких восточных династий, богатая литература источников, ибо упомянуты все летописи, из которых заимствовал Шлоссер, и притом с указанием, где какая написана и хранится.

Ц. де Канту издал несколько лет тому назад Всеобщую историю, которая была переведена на французский язык и теперь переводится на немецкий язык. Главная причина успеха этой книги

¹ Именно так в рукописи.

в католическом воззрении автора. В 14 вышедших томах заключается древняя и средняя история. Канту — человек ученый, знакомый с немецкой, английской литературами, отдал свою историю так, что каждый период ее свидетельствует прямо о значительной учености автора, что весьма редко между итальянскими учеными; католическое же воззрение в его истории есть нечто внешнее (мы имеем подобное воззрение в речи о всеобщей истории Боссюэта). Оно односторонне, но величаво и поэтично, и ему нельзя отказать в значительном достоинстве.

Гиббон — о падении Западной Римской империи — носит явные следы своей эпохи, т. е. XVIII столетия. Гиббон не понимал важности христианства и потому не всегда отзывается о нем с выгодной стороны, не всегда прилично мыслящему человеку; потом мало знаком с древностями. Вот дело слабой стороны, но едва ли в какой-либо книге найдем мы такой спокойный, глубокий и ясный взгляд на события. Есть, конечно, много неверностей и устарелости, но это огромный исторический талант, который не может не иметь влияния на читателя.

Географические карты — пробел в нашей науке, который отчасти пополнен французскими монахами Бенедиктинского ордена. Есть карты офицера баварского Шпруннера. Потом наука наша вечно обязана Дюфреню Дюканжу, который составил *Glossarium mediae et infimae latinitatis* — труд колоссальный; он же издал *Glossarium mediae graecitatis*. Но как он один не мог истощить всего богатого запаса, то его труды продолжали бенедиктинцы, труды которых вместе со словарем Дюканжа с 1840 г. издаются с исправлениями Дидо, и теперь уже вышло 67 томов. Относительно хронологии Среднего века заметим книгу — неполную, но полезную — Брингмейстера, недавно вышедшую в Лейпциге.

Лекция 25

Мы остановились на состоянии Германии и вообще Западной Европы по смерти Генриха III. Теперь рассмотрим отдельные элементы тогдашней средневековой общественности и начнем с феодализма. С именем феодализма соединено в Западной Европе множество воспоминаний, большей частью враждебных. Между тем феодализм, как мы увидим, принес богатые плоды для европейской цивилизации. Но нельзя упрекать и Западную Европу в неблагодарности: есть причины, оправдывающие ее ненависть к феодализму.¹

¹ В университетских лекциях 1845/46 г. (записи студента М. М. Латышева): «Преобладающий элемент в XI веке есть, бесспорно, феодализм. Об истории и влиянии феодализма, о его юридическом

Мы сначала рассмотрим феодализм как учреждение (общественное), и следует ли обвинять западные народы в неблагодарности к такому учреждению, кое принесло столько пользы, или есть другая причина, оправдывающая их ненависть к феодализму. Лучшим

и нравственном характере много писали. Этот вопрос еще доселе не причислен к тем историческим вопросам, которые имеют для нас только ученое значение. Еще доселе западное общество борется против остатков феодального быта, хочет очистить от него совершенно свою почву. Во время своей силы феодализм уже нашел ревностных и горячих защитников, хотя тогда мало нуждался в них; тогда он доказывал свою законность, свое право на существование самим существованием своим. Не прежде исхода XVII и начала XVIII века началась об этом предмете ученая полемика. Отличнейшие писатели и публицисты принесли участие в этот спор. В числе его защитников особенно замечателен граф *Boulainvilliers*, французский аристократ исхода XVII и половины XVIII века. Он написал превосходное, но в высшей степени одностороннее сочинение о феодализме. Может быть, ни один ученый ни прежде, ни после не [переносил] с таким талантом, с такой силой убеждения, не принял так к сердцу вопроса о феодализме, как граф *Boulainvilliers*. Читая его, можно подумать, что это говорит какой-нибудь воскресший барон феодального века... Он отрицает среднее сословие, считает его незаконным, равно отрицает и королевскую власть в том значении, какое она приняла в XVII и XVIII веках. Это человек совершенно Средних веков, признающий только тот класс, к которому сам принадлежит: о прочем он говорит с презрением — оно для него не существует. Это был человек односторонний, но в самой односторонности своей могущественный и последовательный... Много было противников феодализма, защитников королевской власти среднего сословия; в продолжение всего XVIII века не прерывалась полемика между обеими партиями. Она разрешилась уже в кровавом акте революции. После революции, во время реакции, которая поднялась против всех явлений и результатов революции, явились новые защитники феодализма, новые теории, которые просто хотели возратить новой европейской жизни феодальный элемент во всей его силе и односторонности. Достаточно упомянуть о [Галлере], швейцарском ученом, который написал пять томов *Über die Restauration der Staatswissenschaft*. Это не что иное, как возвращение феодального элемента... Не говорю уже о менее известных историках. Эта партия была многочисленна, особенно до революции, теперь она теряет свое влияние. Не говоря о том, что новые защитники феодализма не имели ни глубокой учености графа *Boulainvilliers*, ни его энергического ума, они самый феодализм представили не таким, каким он был действительно. Они создали идеал феодального быта, в истине коего они не так были убеждены. Наука, впрочем, управилась с этими жалкими явлениями... Окончательный приговор феодальной эпохе принадлежит, собственно, нашему времени. Исторические труды последних десятилетий показали феодализм в настоящем виде его. Самые лучшие сочинения (не говоря о древних трудах немецких) находятся у французов в курсе Гизо: «*Histoire generale de la civilisation en Europe*» и «*Histoire de la civilisation en France*», где он разбирает феодализм во всех отношениях. Мы не соглашаемся с ним только в некоторых частностях, но вообще это полная, живая картина».